

The background of the book cover is a photograph of a village scene. In the foreground, there is a low, light-colored wall with some peeling plaster. Behind the wall, several houses with red-tiled roofs are visible, partially obscured by lush green trees and bushes. The sky above is filled with soft, white clouds, suggesting a bright but slightly overcast day. The overall mood is peaceful and nostalgic.

Наталья Тимофеева

*На склоне
пологой тьмы*

Стихи и романсы

Тимофеева Наталья

На склоне пологой тьмы

«Издательские решения»

Наталья Т.

На склоне пологой тьмы / Т. Наталья — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-457-92106-1

Дорогой читатель, это моя пятая книга. Написана она в Болгарии, куда мне пришлось уехать из России в силу разных причин. Две книги — вторую и третью — Вы найдёте в московских библиотеках: это «Холсты» и «Амбивалентность», песни и творческие вечера при желании можно послушать на Ютубе. Что сказать о себе? Наверное, сделать это лучше моих произведений в ограниченном количестве знаков пространстве довольно сложно. Буду счастлива, если эти стихи и песни придутся кому-то впору. Наталья Тимофеева.

ISBN 978-5-457-92106-1

© Наталья Т.
© Издательские решения

Содержание

1. Под шум ветров	6
«На склоне тьмы пологой – тишина...»	6
«Мир рушился, как замок из песка...»	7
«Сквозь тусклое стекло мы видим мир...»	8
«Коротких сумерек свечение...»	9
«Тону в подушках. За окном февраль...»	10
«Чеканен профиль февраля...»	11
Весенней лошади	12
«Немного дождя и ветра...»	13
2. Небесная звонница	14
«Со звонницы небесной соловей...»	14
Романс под шум дождя	15
«Сомкнулось веко прожитого дня...»	16
Мартовская песенка	17
Прощальный романс	18
Никополис ад Иструм	19
«Ни радости, ни горя, – сердце умерло, —...»	20
«Стекло и хрусталь на деревьях...»	21
Романс «На резком слове не взыщи»	22
3. Жизнь и смерть	23
Победитель	23
Красная дверь	25
Измена земле	26
Бастет	27
«Скрипучей веткой жалуется тополь...»	28
Ностальгия по детству	29
Великая Суббота	30
4. Запах звёзд	31
«Звёзды пахнут ванилью цветущего сада...»	31
Романс в сумерках	32
«Отблеск лиловой зари, догорая...»	33
«Всё смелее розы, всё пунцовой...»	34
«Скитается осень по рыжим аллеям...»	35
«Чёрной тканью вселенной обёрнута ночь...»	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

На склоне пологой тьмы

Стихи и романсы

Наталья Тимофеева

© Наталья Тимофеева, 2016

© Наталья Тимофеева, фотографии, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Под шум ветров

«На склоне тьмы пологой – тишина...»

На склоне тьмы пологой – тишина.
Она лежит раскидиста и хладна.
Её не выпить никому до дна,
Она сама коварно-плотоядна.
Меня она обманом завлекла
Под своды чужестранной этой сени
И, словно клейстер, в сердце затекла
И кровоток замедлила. Растений
Вокруг взрастила, – остры их шипы.
Втыкая их в ступни мне и в ладони,
Она моей не выслала тропы
Целительными травами. И клонит
Меня свернуть с обрыва в пустоту,
Но что-то держит цепко и незримо.
И чую, ни одну пройду версту,
Сбивая душу в кровь неумолимо.
Мне теплохладность не даётся вновь,
А святость не даётся мне тем боле.
За склоном тьмы, как свет, горит любовь
И ждёт меня, таясь от смертной боли.

«Мир рушился, как замок из песка...»

Мир рушился, как замок из песка,
Соприкасаясь с тишиной звенящей...
Вползала в грудь знакомая тоска —
Мой проводник в непрочном настоящем.
Небрежный жест прощального «прости»
И губ любимых горьковатый привкус...
И знала я, что мира не спасти,
Но я спасала. Стародавний искус...

«Сквозь тусклое стекло мы видим мир...»

Сквозь тусклое стекло мы видим мир,
Наполненный материей и звуком.
Над миром – неба радужный сапфир,
Под ним – людские ненависть и скука.

В рассветах – рая видятся мазки,
Пылают кознью адовой закаты...
А люди так от рая далеки,
Рождая лжи благие постулаты!

О, если бы не вечная печаль
Тугих ветров над умершей любовью!
Давно заржавлен старенький Грааль,
А музы все, увы, болеют корью.

Как много тех, кто рабством искажён
До первобытной удали пещерной...
Сквозь тусклое стекло я вижу сон —
Моей души обрывок многомерный.

Объять себя – такой великий труд!
Объять других – совсем труда не стоит.
Ты слышишь, – в небе ангелы поют?
Они нас всех когда-то упокоят...

«Коротких сумерек свечение...»

Коротких сумерек свечение,
Туманный лунный ореол,
И гор в молчании священном
Высокий каменный престол.

Палитра красок скуповата,
Дыханье ветра стиснул хлад,
И словно горлом пережатым
Он что-то шепчет невпопад.

От прели листьев прошлогодних
Моя кружится голова,
И вновь таинственный угодник —
Вечерний сумрак – мне слова

Диктует медленно и внятно,
Даёт понять без суеты,
Как он усилит многократно
Все тайны эха пустоты,

Как он войдёт в меня без боли,
Разнежив чёткий мыслеряд,
И мой сердечный Капитолий,
Сломав, воздвигнет наугад.

«Тону в подушках. За окном февраль...»

Тону в подушках. За окном февраль
Молчит полнощно, кутаясь в туманы.
Дрожит звезды обколотый хрусталь,
И лунный свет сквозь занавесь обманно

Скользит ко мне согреться в зеркалах.
Потрескивают в печке сокровенно
Поленья, рассыпаясь в серый прах,
И тени разбегаются по стенам.

Мой старый дом баюкает в тиши
Своих воспоминаний мириады,
Таинственными звуками грешит
Под сенью зачарованного сада.

Лежу без сна, пространства колыбель
Несёт меня в неведомые веси,
Мой кокон одиночества – постель —
Объял меня, но мне совсем не тесен.

Легко бежит мой разум из тенет
Его любви, замороженной снами,
Уютно пахнет шерстью новый плед,
И кот моими занят волосами...

«Чеканен профиль февраля...»

Чеканен профиль февраля.
Его тяжёлый взор прохладно
Обвёл окрестные поля
И застил дымкой непроглядно.

На розы выпал колкий снег,
И побелели черепицы,
Как будто вспять стремится бег
Седого времени, и птицы,

Из жарких вырвавшись краёв,
Цветенью радовались зряшно.
Умолк весенний птичий зов,
Вчера звучавший бесшабашно.

Обман, коварство, мгла и хлад.
Печальна зябнущая завязь.
Поник под ветром виноград,
А на гнездовье замер аист...

Зима вернулась посреди
Надежд на новые рожденья
И на земной лежит груди
Последним смертным наважденьем.

Весенней лошади

Минуты листают пространство размеренно-скупое,
Бежит из-под ног прямо в прошлое занятость дня...
Вздыхает соседская лошадь с коричневым крупом
И белым лицом своим смотрит как раз на меня.

Я ей говорю – не грусти, всё осилится ладом,
Ты вспашешь надел, я колючки спалю и листву...
А вечером будем с тобой, как побитые градом,
Стоять ошалело и молча смотреть в синеву.

Твой год наступил, говорят, он счастливый для многих,
Кто ходит в упряжке из дел и не ропщет на жизнь.
И нас с тобой, лошадь, хромым и немного убогих,
До счастья тупого совсем измотал альтруизм.

Красавица лошадь, я тоже сегодня красива,
Хоть время моё не девичье стремится к концу...
Седая моя на ветру развивается грива,
И глаз неуёмная зелень подходит к лицу.

А что нам терять, мы свои обскакали надежды,
От вечности можно ли большего в мире желать?
Смотри-ка, весна гомонит на дворе, как и прежде,
Когда ты сосала свою лошадиную мать...

«Немного дождя и ветра...»

Немного дождя и ветра,
Немного туманной мглы,
В окно постучала ветка,
Чернеют дерев стволы.
В гнездо возвратился аист
С отметиной на крыле.
В пенаты свои вселяясь,
Он клювом кивает мне,
Мол, видишь, я здесь, я рядом,
Весна осенила мир,
Какое столетье кряду
Я – здешних краёв эмир.
Мои эти реки, кряжи,
Рассветы мои, земля,
Закаты мои и даже
Ты тоже теперь моя...
Не спорю с ним, он – мужчина,
Ему с высоты видней.
Весна серебрит долину
И нас красотой своей...

2. Небесная звонница

«Со звонницы небесной соловей...»

Со звонницы небесной соловей
Рулады рассыпает дивным горлом.
Над свежей нежной зеленью полей
Пространство полог мартовский простёрло.
Бежит, звенит, трепещет первый звук
Бессонницы земли, любовной песни.
Окончен путь печалей и разлук,
Пичуга свищет: «Оживи, воскресни,
Раскрой свои объятия новизне,
Пусти в себя тепло, загни цветенье...»
И так спокойно, сладко стало мне,
И так легко до головокруженья!
А солнца луч разрезал облака
И ровным светом опоясал горы,
И заискрилась вечности река,
Заполонив весенние просторы...

Романс под шум дождя

Бесчувственно луна глядит не спящим оком.
Ей нечего сказать, она полна собой.
А в сердце снова лёд, а в сердце одиноком
Звучат слова любви не в лад и вразнобой.

Нам не понять себя и, как понять друг друга,
Когда вся наша жизнь – сиюминутность сна?
Ведь я тебе никто, – не лада, не подруга,
А без любви, увы, мне эта даль тесна.

Мне без любви луна – пустое наваждение,
Знакомый белый круг и больше ничего...
А сердце рвёт печаль, в нём смертное томленье,
Рассудочность судьбы – не будущность его.

Припал к груди твой зов, пустая бездна ночи,
Стеклянный звон проник в мой воспалённый ум...
Воспринимаю явь сегодня я не очень,
И все её слова – лишь отдалённый шум.

Но, где искать молву, наполненную смыслом?
Лишь смерть всегда права, она одна права...
А Млечная дуга искристым коромыслом
Раскинулась в тиши, как над бездоньем рва.

И здесь, на дне веков, в колодце невозврата,
Где на исход любви молитвы не прочтут,
Я, одичав от чувств, что для тебя не святы,
Освобожусь сама от этих страшных пут.

И буду чуть жива, но выстою, я знаю.
Мы не равны с тобой, и в этом вся беда.
Но я тебя своей судьбой благословляю,
Хоть не постичь её мужчине никогда!

«Сомкнулось веко прожитого дня...»

Сомкнулось веко прожитого дня,
Глухая ночь беззвёздна и безлунна.
Поёт в печи голодный бог огня,
Трещат поленья жарко и бездумно.

Витают сны в избе под потолком,
Прозрачных крыльев их прохладны взмахи.
И каждый сон подвязан узелком
К моей старинной вышитой рубахе.

А главный сон, от мыслей распалясь,
Горячечных идей бредово-полон,
Как тьмы бездонной первобытный князь,
Стоит в дверях в хламиде долгополой...

Одни и те же сны из года в год
По заведённой памятью шарманке...
Но ночь кладёт очельем тонкий лёд
На лоб, врачуя бед моих проранки,

И гаснут сны в предутренней тиши,
Как наваждение прожитого века.
Моя душа на новый круг спешит,
И день грядущий отворяет веко.

Мартовская песенка

Закончена история, финита.
Не знаю, день на улице, иль ночь.
Сказать банально, – сердце вновь разбито,
Сказать по чести – выдержать невмочь.

И что с того, не рухнуло же небо,
И солнце долу не пустилось вскачь...
Ты никому не будешь на потребу?
Так что же, сердце, выдюжи, не плачь!

Молчи, с тобой бывало и похуже, —
Забуди, не стоит, это не любовь.
Давай затянем узелок потуже,
Запястье стерпит, пропуская кровь.

Сердца поэтов одиноки всюду.
Какая новость! Это ли конфуз?
Давай-ка сердце, сбавим амплитуду,
И бросим в воду чувств ненужных груз.

Ничто не вечно, ты не виновато,
Что вдруг забилося, годам вопреки...
Сердца бывают из камней, из ваты,
А ты – живое, из твоей строки

Опять закаплет боль... но не смертельно.
Переживёшь науку из наук.
А над тобой судья – твой крест нательный,
Как символ веры, боли и разлук.

Пусть плачет тот, кому ты не досталось,
Седое время всех возьмёт в полон!
Оно вполне уместно отыгралось
Над той, что жизни ринулась вдогон.

Прощальный романс

Тайный знак невозвратной любви,
Исступление, как искупление.
Ты порви мои письма, порви,
Всё на свете подвержено тлению.
Даже чувств умирает восторг,
А погост на душе только ширится...
Все слова – лишь мучительный вздор.
Я же вижу, пусть я – не провидица.

Колебаний твоих маета
Непонятна, но разве безделица,
Что в душе у тебя пустота,
А любовь моя – надвое делится?
Нежность горло сдавила кольцом,
Разум сердце наполнил отчаяньем...
Нет, ты не был со мной подлецом, —
Ты сгубил мою душу молчанием.

Уходи, мне не надо тепла,
Что похоже на милость нездешнюю.
Я тебя не звала, не ждала,
Хоть сама я – земная и грешная.
Уходи. Не терзай, не тревожь,
Ни к чему тебе совестью мучиться.
Только в теле досадная дрожь...
Кто за разум безумный поручится?

Припев:
Зачем мне этот дар – гореть и не сгорать,
Зачем твои глаза – два оута пощады?
Наверное, тебе совсем не надо знать,
Что в сердце у меня, и жалости не надо.

Никополис ад Иструм

На древних камнях только ветры рисуют, да время.
Над ними веков исполинские птицы кружат.
Стирает, подошвами шаркая, надписи племя,
Вдогонку бредущее прошлому, камень кроша.

Истории плен, словно плавный изгиб горизонта,
Лишь Бог заступает за круг, но не смертная плоть...
Есть высшее знание – сила особого сорта,
Над тайной завесу не всем открывает Господь.

Цветение вёсен кончается зрелостью смысла, —
Всему есть начало, всему наступает конец...
Беспечно читаем названия, буквы и числа
Сплетая в один бесконечно пространственный венец,

Как будто не нас среди этих мертвящих покоев
Куда-то влекли волей рока рождение и смерть.
Но сами в беспамятстве жизни мы много ли стоим,
Пытаясь в сознании утлом все вехи стереть?

По кругу, по кругу, по кругу в колодце тюремном
Невежества тащимся, тщась просиять сквозь века...
Но каждый здесь лишь экскурсант и на уровне генном
Правителей роли не светят простым мужикам.

А зеркало мира смеётся вовсю кривизною.
Чем дальше истоки, тем гуще из грязи поток...
Пусть небо весеннее блещет своей новизною,
Пусть голос развалин старинных, как эхо, далёк,

Разгадка близка, как кудлатое пламя заката:
Мы вновь отреклись от погасших своих очагов!
Спираль нанизала просторы Вселенной, а даты —
Всего лишь земные условности в пепле веков.

«Ни радости, ни горя, – сердце умерло, —...»

Ни радости, ни горя, – сердце умерло, —
Переизбыток чувств и бытия.
Черты смягчились, и бесценным Уреем
Прозренья стала мудрости змея.
Не тяготят ни годы, ни чудачества,
И страх по коже больше не следит.
Любовь в груди живёт иного качества,
А совесть с честью слиты в монолит.
Речей пустопорожних всё досаднее
Восприниматься стала воркотня,
И только взору вольному отраднее
Глядеть, как с жиру бесится родня.
И только ночью разуму свободному
Всё проще возноситься к небесам,
Поскольку к телу, для утех негодному,
Не возвратится прежняя краса.
Но красота – сокровище не внешнее,
Что изредка с достоинством дружна.
Её обрящут кротко души грешные,
Которым правда Божия слышна.
И, расставаясь с этим миром радостно,
Отдав земле пустую скорлупу,
Замрёт душа восторженно и благостно,
Покинув ненавистную толпу,
Где в тесноте и давке, и бессмыслице
Она влачила тяжесть многих лет,
И не смогла над суетой возвысится
В условном мире, где пощады нет.

«Стекло и хрусталь на деревьях...»

Стекло и хрусталь на деревьях
Мерцают в медовых огнях,
И птицы в заснеженных перьях
Кружат в этих скудных краях.

Дыхание ночи студёно,
Мороз, что ни час, то сильнее,
И с тонким серебряным звоном
Сосульки слетают с ветвей.

А парк нереально прозрачен,
Искрится опаловый наст,
И месяц смотрящим назначен
Зимою, что спуску не даст,

Пока не истратит запасы
Мертвящей своей белизны,
И всё выразительней стансы
Февральского ветра слышны.

Свила одиночества кокон
Вкруг мира небесная тьма,
И месяца тоненький локон
Опять его сводит с ума.

Романс «На резком слове не взыщи»

На резком слове не взыщи,
Источник всех моих сомнений!
Ты болью сердце истощил,
А ум исполнил сожалений.
Мне не понятна суета,
Как не понятны недомолвки,
Увы, святая простота
Больней вонзается иголки.

Ты помнишь этот странный час,
Когда легко и неозвратно
Развёл февральский сумрак нас,
А март не принял нас обратно?
Я помню этот страшный миг,
Когда глаза, сравнимы с бездной,
Моей души гасили крик
Своею тайной бесполезной.

Какое множество причин
Покончить с нашим мезальянсом!
Но у судьбы закон один, —
Всю жизнь раскладывать пасьянсы.
И даже свой роскошный дар
Она сумела так искомкать,
Что нет в помине прежних чар,
Лишь мысли кружатся позёмкой.

Припев:
И не весна ещё, и больше не зима,
То луг цветёт в душе, то стынет вьюга...
Наверно, снова виновата я сама,
Что мы с тобой не поняли друг друга.

3. Жизнь и смерть

Победитель

Людоедские брови правя,
Ухмыляясь усатым ртом,
Не считал человечков Сталин, —
Каждый был у него винтом.

Винт крути, и – насколько станет.
Перетянешь, таков и прок.
Всё про всех знал великий Сталин —
Не провидец и не пророк.

Он – кормилец шакальей стаи
И, за горло подняв страну,
Из костей строил стены Сталин,
На костях проиграл войну.

Субкультуру взрастив на крови
Негодяев и стукачей,
Он себе певцов заготовил,
Он оставил нам палачей.

Проще будет почить героем,
Запластав своей грудью дзот,
Чем великой страны изгоем
Забивать мокрой глиной рот.

Проще будет войти в анналы,
Переняв чьей-то жизни миг,
Чем кайлом прорубать каналы,
В мать рябой славословя лик...

От свободы рабы устали,
Им бы снова под власть кнута...
Где ты, новый великий Сталин,
Где ты, заданный шаг винта?

Ждут добычи кровавой черви,
Да горластое воронье.
Слишком много плодится черни,
Подоспело твоё жнивье,

Русь великая, будь покойна,
Мы удобрим твои поля,

Мы накормим собою войны,
Чтобы снова цвела земля,

Чтобы вору и мародёру,
Вновь кроили тебя и жгли,
И чтоб мы на твоих просторах
Только смерть себе обрели.

Красная дверь

Я обожаю княжие цвета
От красной двери до зелёной рощи.
Мне нравится святая простота
Пустых просёлков, где рассудок ропщет
Лишь над следами человеческих рук,
Оставивших обрывки разной дряни.
Люблю в природе выверенный звук
И постепенность. В ослеплённой рани
Хочу не знать о том, что будет днём,
А вечером не быть в плену у страхов,
И, озирая жизни окоём,
Не поминать, что жизнь была не сахар...
Весь этот мир придуман напоказ,
Он, как и я, не прячется от боли.
И я его уже в который раз
Спасти не в силах от чумной неволи
Нешадных и неузнанных потерь,
Когда безумье побеждает разум,
И красная не разделяет дверь
Зелёный миг планеты и заразу
Стяжания. Стигматы ран земных
Горят огнём, никто по ним не плачет.
Как много слов восторженно-пустых,
Как много чувств, что ничего не значат!
И вот опять любимые цвета...
За этой дверью только мы с тобою.
Пусть к нам постучится красота,
Она – как сон с загадкой земною...

Измена земле

На дворе вьётся хмель, а смородина
Сыплет бусины ягод в траву...
Далеко моя милая родина,
Только вижу я как наяву

Старых улиц булыжную оторопь,
И вишнёвую кипень садов,
И ворот разномастную косороть,
И весомую поступь годов,

Что ломали, сносили и строили,
Изменяя ландшафт городов,
Что сермяжную правду рассорили
С гордым жлобством бетонных столбов.

Бастет

Макает месяц тоненькие рожки
В озёрную задумчивую гладь.
Богинею сидит, напрягшись, кошка
И рыбу-месяц силится поймать.

Она черна, как ночь, что рядом тщится
Смешать все краски вечера в одну
И под кустами сумрачно густится,
И месяц тянет к илистому дну...

Но стрежёт богиня Бастет рыбу,
Что жидкое купает серебро,
И лапой чёрной ночи топит глыбу,
Отправив на таинственное дно.

Глаза сияют вековечной влагой
И, грациозной прелести полна,
Богиня – кошка с гордою отвагой
Подстерегает рыбу-тишь одна.

«Скрипучей веткой жалуется тополь...»

Скрипучей веткой жалуется тополь
Под щёлканье немолчное скворца
О том, что все хозяин деньги пропил,
Не починив родимого крыльца,

Что покосился дом, сопрела крыша,
Скворечник вверх тормашками висит,
А сам лежит, не видя и не слыша,
Как Бог с землёй цветущей говорит.

Старухи израсходовались ныне,
Живут на свете из последних сил.
И о таком, пропившем совесть сыне,
Нет плакальщиков, – все на дне могил.

А он, проспавшись, распускает палы
И радуется, глядя на огонь.
Горит живое, только горя мало
Тому, кому по сердцу гарь и вонь.

По осени «шишкует» бедолага,
Срубая ветви сосен до вершин,
И деньги с шишек поглощает брага.
А пьёт он дрянь заветную один.

И вот весною ранней в пьяном виде
Сей пиротехник так устал от дел,
Природу напоследок разобидев,
Что лёг в избе и вместе с ней сгорел.

Над пепелищем пели жаворонки,
И щёлкал долго радостный скворец...
Нашли сельчане две зубных коронки,
Что в память им оставил молодец.

Собачка лишь грустила по пьянчуге,
В деревне побираясь тут и там,
Да палками корявыми в округе
Останки сосен кланялись ветрам.

Ностальгия по детству

Пирожка хочу за пять копеек,
Чтобы был горячий и с повидлом,
Чтобы пальцы на морозе стыли,
И хрустела корочка слегка...
А ещё хочу, чтоб были сани
С медными полозьями и горка,
Валенки с калошами, и бабка
Нос мне вытирала подолом...
Телевизор с линзой и печка,
Окна, запотевшие от влаги,
Над окном гигантские сосульки,
В вёдрах родниковая вода...
И не думать о большом и вечном,
А читать запоем на лежанке,
Да играть на маленькой скрипულке,
Чтоб мурашки щекотали нерв...
Вечером сидеть у самовара,
Под столом подкармливая кошку,
Чтобы дед кряхтел, а бабка пела
«Отче наш», склоняясь надо мной...

Великая Суббота

Свершилась ночь, и прах, омытый миром,
Под плащаницей замер навсегда.
Прошла гроза, и туч сквозные дыры
Застыли над Голгофой, как вода.

Ни ветерка, ни птичьего привета, —
Молчало утро. В мрачной тишине
Бродили тени, за горою где-то
Текла неспешно жизнь и, как во сне,

Вдаль уходили горькие мгновенья
Вчерашней казни, а торчащий крест
Кренил устало, но без сожаленья,
Свой равнодушный безобразный перст...

Великая Суббота терпеливо
Ждала чего-то, напрягая взор.
Казалось, солнце пряталось стыдливо,
Минуя окровавленный бугор...

Вновь незаметно загустился вечер,
Погас небесный тускло-серый лик,
И зашептал тревожно южный ветер,
И к мёртвым скалам с силою приник...

А утром жёны вышли, тихо плача,
Неся мастики в трепетных руках,
Идя ко гробу в скалах наудачу,
Чтоб умастить свой драгоценный прах.

Но там, куда они спешили дружно,
Лишь ангел белый, шелестя крылом,
Их встретил Словом: «Ничего не нужно,
Воскрес Спаситель, Он теперь с Отцом!»

У Бога-Света нет живых и мёртвых,
По вере мы наследуем Христа.
И, смерть поправ в её приделах спёртых,
Спаситель жив, для Вечности восстав!

Христос Воскресе, – защебечет утро,
Назавтра вспрынув. От церковных врат
Вновь заскользит благоговейно-мудро
Огонь победы, и померкнет ад.

4. Запах звёзд

«Звёзды пахнут ванилью цветущего сада...»

Звёзды пахнут ванилью цветущего сада,
И летят лепестки в тёмно-синюю высь,
Белоснежно мерцая, как снег звездопада,
Даль вселенной вплетая в вечернюю близь.

Из потока воздушного плещутся звуки,
Ветра пенного песня вскипает, нежна,
И томительней новой непознанной муки
В сердце взор свой безумный вонзает луна.

Мне судьба нагадала роскошное лето,
Плодовитую осень, да зимнюю хворь...
Но последней любовью душа отогрета
И готова принять даже горечь и боль.

Волшебством осенённый, простор величаво
Распахнул мне объятия, укрыл, как плащом,
Расстелил под ногами душистые травы,
И забылся, вселенской весной освящён.

Утонули сады в тёплой нежности ночи,
Растворились во тьме отголоски тоски...
И кружат над крыльцом, словно снег непорочны,
Старой вишни моей лепестки-мотыльки.

Романс в сумерках

Свет таял, как церковная свеча,
Луна плыла в священном ореоле...
Была моя подушка горяча,
А сердце билось птицею в неволе.

Оно металось, не могло понять,
Как рай и ад смешались воедино...
А ночь прокралась в комнату, как тать,
Мне душу поделив на половины.

Одна была покорна и нежна,
Другая не терпела чуждой воли,
И трудно было не сойти с ума,
И не вскричать в невысказанной боли...

Но сон настиг и вынудил меня
Забиться и от дум моих укрыться,
И сердце успокоилось, маня
Принять виденья в спящие глазницы...

И виделось в том сне, что я сама
Брожу по звёздным мертвенным просторам,
Прозрачна, словно дым или туман,
Покрыта бледным лунным ореолом...

Когда рассвет коснулся старых гор,
Когда луну задул весенний ветер,
Когда запел снаружи птичий хор,
Мой разум пробудился чист и светел.

Но мне хотелось вновь вернуться в высь,
Туда, где дух скитался беспечно,
Где все пути судеб переплелись,
Окутаны великой Божьей тайной.

«Отблеск лиловой зари, догорая...»

Отблеск лиловой зари, догорая,
В сумрак лавандовый выплеснул свет.
С гор перекинулась лава чермная
На виноградники, огненный след

Выдал желтеющих клёнов дрожанье,
Ржавчинно-бурый налёт на дубах...
Ветер пронёс над долиною ржанье
Коника... Эхо, растаяв в горах,

Словно опомнившись, снова вернулось
И суматошно забилося, двоясь...
А наверху в ширину распахнулась,
Звёздная высветилась коновязь.

Тотчас кузнечики с крепнущим пылом
Стали подпиливать ветра орган,
В воздухе чёрном, глубоком, остылом
Пасмой чуть видимой свился туман...

Осень вздохнула протяжно и гулко
Шелестом листьев, журчаньем реки
И заогнивила по переулкам,
Где зажигались в ночи огоньки.

«Всё смелее розы, всё пунцовой...»

Всё смелее розы, всё пунцовой,
Пышны их тяжёлые венцы,
Будто у заката выпил крови
Старый куст, а ветры-сорванцы
Всё в чешму журчащую сыпают:
Злато листьев, розы лепестки...
Говорят, природа засыпает,
Полная безудержной тоски.
Только я не слышу отголосков, —
Ни в душе, ни в воздухе печаль
Не родится, горячо и броско
Распахнула даль цветную шаль,
Закружа, захоровода вечер
В южном всеобъемлющем тепле,
У предгорий зажигаю свечи
И топя закат в дрожащей мгле.

«Скитается осень по рыжим аллеям...»

Скитается осень по рыжим аллеям
От горя пуста и туманна.
Во влаге ночной всё сильнее холодея,
С собою шепча неустанно
О чём-то забытом, далёком непрочном,
Она, как и я, одинока.
Лишь дождь нам диктует диктанты построчно,
Да кличет с ореха сорока.
Паучьи незримые нити мгновений
Всё рвутся, натянуты властно
Навязчивой волей моих сожалений,
И катится время напрасно.
Ах, осень, ведь я тебе душу открыла,
А ты – серебра мне, не злата...
Я вместе с тобою до дрожи остыла,
Сгорев без остатка когда-то.
Нет-нет, не ропщу, сохрани и помилуй,
Спаси от уныния, Боже!
Я так же, как все, до грядущей могилы
С рождения дни свои множу
И так же, как осень, в тиши и неволе
Судьбой своей прожитой грежу,
Отвыкнув лить слёзы обиды и боли,
И радуясь реже и реже.

«Чёрной тканью вселенной обернута ночь...»

Чёрной тканью вселенной обернута ночь
И, роняя в колодец земной расстоянье,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.